

DOI: 10.31696/S086919080029847-8

ШЭНЭХЭНСКИЕ БУРЯТЫ В ЭПОХУ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ» В КИТАЕ¹

© 2024

В.И. ДЯТЛОВ^a, М.Н. БАЛДАНО^b

^a – Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
ORCID: 0000-0003-3584-6009; vikdyatlov@yandex.ru

^b – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ, Россия
ORCID: 0000-0002-2005-5362; histmar@mail.ru

Резюме: Статья посвящена исследованию перехода группы шэнэхэнских бурят от состояния общинной замкнутости и натурального хозяйства к участию в динамичных модернизационных процессах в Китае. Данная этническая группа представлена как экономически самодостаточная, культурно отъединённая от принимающего общества системой родовых связей, языком, традициями, обычаями, способная поддерживать структуры социальности – от внутренних браков до языка, образования и властных отношений. Авторы поднимают вопросы о том, как влияет переход к рыночным отношениям на характер и образ жизни группы, происходит ли (а если происходит, то как) трансформация от общинной замкнутости к открытости, индивидуализации жизненных стратегий, каковы сдвиги в культуре, социальной структуре, образе жизни, структурах повседневности, каковы перспективы самого существования этой сравнительно малочисленной группы в условиях открытости и рыночной экономики. В статье показано, как постепенно размывается общинность, формируется качественно иной уровень интеграции в китайское общество, а шэнэхэнские буряты вступают в полосу жёсткой конкуренции за образование, рабочие места и ресурсы. Новые технологии власти и контроля наряду с традиционными также не могут не подрывать прежней общинной замкнутости. Итак, группа, которая выжила и укрепила общинную солидарность в эпоху тяжелейших катаклизмов, имеет перспективу подвергнуться социальной и культурной эрозии в период роста материального благосостояния и появления новых профессиональных, социальных и культурных лифтов. В основу статьи положены материалы полевых исследований одного из авторов во время поездок в АРВМ КНР (2006, 2007, 2013, 2017), неформальные интервью с бурятами Шэнэхэна (1997, 1998, 2007, 2008, 2019, 2023), воспоминания представителей общины, опубликованные исследовательские работы, материалы масс-медиа.

Ключевые слова: шэнэхэнские буряты, диаспоральная группа, замкнутость, консолидация, модернизация, рыночная экономика, конкуренция.

Для цитирования: Дятлов В.И., Балдано М.Н. Шэнэхэнские буряты в эпоху «социалистической модернизации» в Китае. *Восток (Oriens)*. 2024. № 3. С. 69–80. DOI: 10.31696/S086919080029847-8

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243–5).

SHENEKHEN BURYATS IN THE ERA OF “SOCIALIST MODERNIZATION” IN CHINA²

© 2024

Victor I. DYATLOV ^a, Marina N. BALDANO ^b^a – Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

ORCID: 0000-0003-3584-6009; vikdyatlov@yandex.ru

^b – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

ORCID: 0000-0002-2005-5362; histmar@mail.ru

Abstract: *This article explores the transition of the Shenekhen Buryat group from communal isolation and subsistence economy to participation in the dynamic modernization processes in China. This ethnic group is presented as economically self-sufficient, culturally detached from the host society by a system of ancestral ties, language, traditions, customs, and capable of maintaining structures of sociality. The authors raise questions about how the transition to market relations affects the lifestyle of the group, whether a transformation from communal isolation to openness takes place, what are the shifts in culture, social structure, lifestyle, and what are the prospects for the very existence of this relatively small group under conditions of openness and market economy. The article shows how communalism is gradually eroding, a qualitatively different level of integration into Chinese society is emerging, demonstrates that the Shenekhen Buryats are entering a period of fierce competition for education, jobs and resources. New technologies of power and control, along with the traditional ones, cannot but undermine the former communal isolation. It is concluded that the group that has survived and strengthened community solidarity in an era of severe cataclysms has the prospect of undergoing social and cultural erosion in a period of growing material prosperity and emergence of new professional, social and cultural lifts. The article is based on the materials of field researches conducted by one of the authors during her trips to the IMAR PRC, informal interviews with Shenekhen Buryats, memoirs of the community representatives, published research papers, and mass media materials.*

Keywords: Shenekhen Buryats, diaspora group, insularity, consolidation, modernization, market economy, competition.

For citation: Dyatlov V.I., Baldano M.N. Shenekhen Buryats in the Era of “Socialist Modernization” in China. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 3. Pp. 69–80. DOI: 10.31696/S086919080029847-8

Небольшая общность шэнэхэнских бурят в Китае не обделена вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Ей посвящены работы Д.Ц. Бороноевой [Бороноева, 2011, с. 186–190; Бороноева, 2000], З. Шмыта [Шмыт, 2013], М.С. Михалёва [Михалёв, 2017, с. 108–120], ряда других авторов, серия наших статей [Балдано, Дятлов, 2008, с. 164–192; Балдано, 2015, с. 282–304]. Однако появляются все новые проблемы и сюжеты, вводятся в научный оборот новые источники. Интересна сама драматическая история этой небольшой группы бурятских беженцев во Внутреннюю Монголию. В Бурятии осмысление и оценка их судьбы стали важным фактором процесса нациестроительства, о чем свидетельствуют бурные дискуссии вокруг спектакля «Ветер минувших времён» Бурятского театра драмы им. Х. Намсараева [Дятлов, Балдано, 2017, с. 308–333].

² The article was prepared within the framework of government assignments: the project “Russia and Inner Asia: the dynamics of geopolitical, socio-economic and intercultural interaction (17th–21st centuries)”, No. 121031000243–5.

Для исследователей – это замечательная площадка для изучения миграционных и диаспоральных проблем. Кроме того, это ещё и текущий процесс, многие феномены которого выражены как тенденции с открытыми перспективами. Китай – страна информационно закрытая. Национальные отношения – тема политически острая и закрытая вдвойне. Поэтому не хватает источников. Однако имеются материалы наблюдений многолетних экспедиций, много информации появляется в интернете. Теоретические инструменты для анализа дали работы Р. Брубейкера [Brubaker, 2005; Брубейкер, 2012], Г. Шеффера [Шеффер, 2000; 2003], У. Сафрана [Сафран, 2004], Й. Шайна и А. Барта [Шайн, Барт, 2015], посвященные проблеме диаспор.

ИСХОД И САМОИЗОЛЯЦИЯ

Бежавшие от потрясений Гражданской войны и социалистических преобразований буряты – выходцы из России – осели в области Барга Внутренней Монголии Китая, в районе реки Шэнхэнхэн, основав этнокультурную группу шэнхэнхэнских бурят. Приток мигрантов продолжался до 1933 г. Точных официальных данных о численности группы нет, но все наблюдатели сходятся в том, что она колебалась в пределах шести – девяти тысяч человек.

Это было бегство в другую страну, но осуществленное в традиционной форме откочёвки. Удалось сохранить материальную основу экономической жизни и социальной организации – скот. Не была разрушена родовая структура, сохранилась традиционная элита, которая заранее получила согласие китайских властей на переселение. Воспроизводство традиционной социальной структуры, образа жизни и хозяйственного уклада, привычных властных отношений было результатом ухода родовыми группами, со скотом. Стимулом к консолидации и созданию новой этнолокальной группы стал отрыв от основного этнического массива. Характерно, что при этом не произошло маргинализации. Шэнхэнхэнские буряты формировались как замкнутое изолированное сообщество, ведущее натуральное хозяйство в форме полукочевого скотоводства.

Старожильческое население не проявило недоброжелательства или вражды к мигрантам. Возможно, это объяснялось близким родством бурят и баргутов, их давними и тесными историческими связями. При этом не менее родственные племена встретили шэнхэнхэнских бурят неласково, когда часть их откочевала в 1920–1930-х гг. подальше от советской границы. Для разрешения конфликта из-за пастбищ пришлось прибегнуть к посредничеству буддистского иерарха Панчен-ламы. В Шэнхэнхэ такого конфликта не возникло, т. к. власти выделили для пастбищ выморочные после эпидемии земли. Необходимость в повседневном общении с соседями, а тем более, продвинутая интеграция не были актуальны при ведении традиционного скотоводства. Смешанных браков, даже с родственными баргутами, почти не было. Численность группы и её родовое разнообразие позволили выстроить замкнутую систему с достаточным количеством собственных брачных партнеров.

Административная единица – бурятский *хошун* (уезд), включавший четыре *сомона* (удела), – была создана китайскими властями для шэнхэнхэнских бурят. Из числа переселенцев назначили администраторов, оказали помощь в создании вооружённого отряда самообороны. Другой государственной поддержки переселенцы не получили, что исключало возможность государственного патернализма и иждивенчества. В силу того, что община не получала импульсов к интеграции со стороны властей и принимающего общества и сама не испытывала такой потребности, она замкнулась в себе, законсервировав систему традиций.

Мощным консолидирующим моментом был сам факт ухода в другую страну, совместно пережитых испытаний, понимания значения единства для выживания на чужбине. Фактором сплочения была ламаистская религия. Многие сознательно не учили китайский

язык, этому препятствовала мечта о скором возвращении. Тщательно сохранялись мифы и фольклорные произведения, национальная одежда, кухня, отмечаются традиционные праздники и обряды.

Подобная замкнутость способствовала решению языковой проблемы: до последнего времени почти весь спектр языковых потребностей группы мог обслуживать бурятский язык. С проблемой языка управления и взаимоотношений с региональными властями столкнулись лидеры общины. Официальным языком в провинции во времена Китайской республики был маньчжурский, однако бурятским переселенцам было разрешено вести делопроизводство на монгольском языке.

Развитие школьной системы тесно связано с языковой проблемой. В 1922 г. появились группы по обучению детей основам монгольского языка. В 1927 г. открылась первая начальная школа с одним учителем и 20 учениками, закрывшаяся вскоре без финансовой поддержки местных властей. В основанном в 1928 г. Шэнхэнском монастыре ламы обучали детей монгольской грамоте, тибетскому языку и арифметике [Согтын Жамсо, 2011]. Уникальное сочетание незаинтересованности в аккультурации (тем более, в ассимиляции) и отсутствие внешнего давления принимающего общества определило судьбу группы. Не было собственной потребности в интеграции, как не было и внешнего спроса (государства и соседей) на неё. Реальностью стало замкнутое существование, «закапсулированность», консервация экономического и общественного уклада, культурных норм, образа и стиля жизни. Экономически самодостаточная, культурно отъединённая от принимающего общества системой родовых связей, языком, традициями, обычаями, праздниками, способная поддерживать структуры социальности – от внутренних браков до языка, образования и властных отношений, сформировалась единая группа из бурятских родов и отдельных беженцев.

ПЕРВЫЕ ВЫЗОВЫ ЗАМКНУТОСТИ И САМОИЗОЛЯЦИИ

В той или иной форме, в различном объёме власти республиканского Китая, Маньчжоу-Го и КНР давали шэнхэнским бурятам право на внутреннее самоуправление. Получив санкцию на власть, их родовая верхушка интегрировалась в государственную структуру принимающего общества. Буряты, в свою очередь, должны были платить налоги, нести полицейскую и пограничную службу и демонстрировать лояльность властям. Проблем с первыми двумя обязанностями не было, но в условиях частой смены и вражды главенствующих политических сил было непросто демонстрировать лояльность. Неправильный выбор мог стать фатальным.

Ситуация замкнутости была впервые поставлена под вопрос при Маньчжоу-Го, когда связи с исторической родиной надолго оборвались. Бурятский хошун стал частью эвенкийского Солон хошуна. Шэнхэнские буряты в качестве подданных «империи» несли общие для всех повинности. Очевидцы вспоминали о непомерных налогах и постоянных реквизициях скота, проводимых японскими властями. Но это не разрушало систему экономики и социальных отношений в общине.

Важнее было введение обязательной военной службы, которая могла стать не только тяжёлой повинностью, но и социальным лифтом. Знаковой была карьера Уржина Гармаева, который был видной военной и политической фигурой при атамане Г.М. Семенове. В 1921 г. в Шэнхэне он занялся скотоводством, в 1926 г. был назначен начальником хошуна. В Маньчжоу-Го он стал генерал-лейтенантом, командующим военным округом, начальником охранных войск провинции, начальником военного училища. В 1945 г. У. Гармаев сдался советским войскам, казнён по приговору военного трибунала в 1947 г., реабилитирован в 1956 г. [Соловьев, Тарасов, 2012, с. 151–152].

Самодостаточность общины начала подрываться языковой и образовательной политикой японских властей. Они требовали от администрации *хошуна* ведения дел на японском языке, владение которым позволяло сделать карьеру в армии и получить высшее образование. В 1933 г. шэнэхэнцы открыли трёхклассную школу из 30 учеников. В ней преподавали японский и монгольский учителя. К 1942 г. в школе было уже 6 классов, более 70 учеников, несколько учителей. Изучались японский и монгольский языки, математика, география, история и другие предметы. Несколько десятков бывших учеников стали выпускниками университетов, институтов и военных училищ [Согтын Жамсо, 2011].

В образованном под руководством КПК в 1947 г. Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) шэнэхэнские буряты получили право на территориальную самоорганизацию и культурную автономию. Однако в ходе ускоренной индустриализации и проведения земельной реформы (1947–1948) вырос приток ханьцев и усилилась конкуренция с ними за распределение земель. Это стало причиной усиления межэтнической напряжённости [Мажинский, 2013, с. 100; Uradyn, 2000, p. 541]. В период «большого скачка» «народные коммуны» становились инструментом ассимиляции неханьского населения.

Шэнэхэнские буряты подвергались массовым репрессиям в годы «культурной революции». Как аккуратно пишут авторы из Китая, они пережили «образование коммун, борьбу со старыми устоями», в результате чего «100% населения стало трудовым, передовики и активисты стали членами партии». «Пострадало много людей в результате “левой” политики, “культурной революции” и уничтожения “капиталистов, советских, монгольских и японских шпионов”». Кто продолжил работать, а кто – стал нетрудоспособным» [Абида и др., 2005, с. 23–28]. Репрессии против образованной элиты, владевшей китайским языком, закрытие школ, аресты «советских шпионов», коллективизация, прифронтовой статус границы с СССР – всё это, расшатывая привычный уклад жизни, не разрушило его основы.

Развитие принимающего общества заставляло шэнэхэнских бурят реагировать на внешние вызовы. Но эти вызовы были направлены на усиление контроля властей над общиной как единым целым. Прежде всего – через контроль над её элитой. Для этого применялись различные способы – от интеграции в госаппарат во времена Маньчжоу-Го до репрессий во времена «культурной революции». Внутренняя жизнь группы, замкнутый полунатуральный характер её экономики почти не затрагивались.

ВЫХОД ИЗ ИЗОЛЯЦИИ

С приходом к власти Дэн Сяопина начались бурные преобразования. Социалистическая модернизация дала толчок и открыла дорогу к выходу из изоляции и самодостаточного существования. Можно выделить несколько направлений этих трансформаций.

Административно-политический контекст

Возвращается национальная политика советского образца в виде национально-территориальной автономии. Институционализация этничности выражается в форме Эвенкийского хошуна, в трёх сомонах которого живут шэнэхэнцы. Официальный язык Внутренней Монголии – монгольский (а буряты официально считаются монголами), его преподают в школах, используют в делопроизводстве, СМИ, на нём издается художественная литература. Для меньшинств существует особый юридический статус: их представители могут получать образование на монгольском языке, иметь льготы при поступлении в вузы, в недалёком прошлом могли иметь более одного ребенка, в районы их проживания поступают

государственные инвестиции в сохранение культурного наследия. С 2010 г. разрешены бесплатная аренда земли под пастбища и возможность сдавать её в субаренду.

Можно предположить, что это не простое восстановление прежней системы. Реабилитация репрессированной элиты вряд ли вернула ей прежнее место во внутриобщинных отношениях. Радикально усилилось присутствие централизованной структуры КПК, в т. ч. и через систему низовых партийных ячеек, которая служит каналом обратной связи, трансляции властных сигналов сверху, механизмом контроля за традиционной элитой. Членство в партийной ячейке повышает статус и даёт дополнительные ресурсы – хотя бы и чисто символические.

Новым инструментом контроля над каждым человеком и местным сообществом стали цифровые технологии [Графов, 2021, с. 160–190]. Они органично дополняют монопольное государственное телевидение, во многом формирующее картину мира и диктующее стандарты поведения, моды, стиль жизни. Все эти традиционные для коммунистических режимов и новые технологии власти и контроля не могут не подрывать прежней общинной замкнутости.

От натуральной замкнутой экономики – к открытой рыночной

Замкнутость и самоизоляцию разрушают экономические свободы, частная собственность, а также возможность вести собственное хозяйство. Наблюдается переход от натурального скотоводческого хозяйства и отчасти земледелия к рыночной экономике. Формируется новое качество скотоводства как товарной отрасли.

Важные и интересные результаты на этот счёт были получены экспедицией Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в Хулунбуирский аймак (2014). Респонденты отмечали, что занятие скотоводством – выгодное дело, хотя трудоёмкое и сложное. В условиях роста промышленного прессинга на степь всё же удаётся сохранять пастбища для скота, государство даёт возможность заниматься скотоводством, развивается рынок для реализации мяса, шкур и шерсти. С внедрением в 1983 г. семейного подряда резко повысился уровень благосостояния скотоводов [Бадарев, 2016, с. 139–145]. Меняется уклад их жизни. Находившиеся в общем пользовании пастбищные угодья были поделены между семьями, которые стали брать их в долгосрочную аренду, огораживать и охранять. Поэтому большинство перешло к оседлости, полной или частичной. Одновременно многие занялись земледелием. Это может вести к ослаблению общинных связей, создавать конфликтные ситуации. Некоторые респонденты выступают против того, чтобы ограждали пастбища, потому что это ухудшает их качество, калечит скот. Отмечались случаи их самовольной ликвидации.

В условиях огороженных территорий сохраняется традиционный бытовой уклад кочевников. Многие скотоводы живут в летних войлочных юртах, имеют кирпичные дома-зимники, пользуются традиционной домашней утварью. При этом наличие солнечных батарей и ветряных электростанций позволяет пользоваться телевизорами, холодильниками, ноутбуками и другой бытовой техникой. Некоторые участки электрифицированы. Для заготовки сена и кормов используется техника, пастухи сменили лошадей на мотоциклы и автомобили, появилась сотовая связь. Количество скота определяется размерами пастбищ, а это неизбежно ведёт к жёсткой конкуренции за право на аренду, их дефицит становится вытесняющим из сельской местности фактором.

Сдвиги в социальной структуре и образе жизни

Внутренняя Монголия переживает процесс урбанизации: за 2010–2018 гг. удельный вес горожан вырос с 55,5 до 62,7% населения. Власти пытаются сдержать этот про-

цесс. Сельчанам безвозмездно выделяются стройматериалы для строительства домов, складов хранения, заборов и других хозяйственных построек. Молодым семьям – средства для возведения новых благоустроенных домов [Актамов, Бадарасев, Ван, 2021, с. 147–162].

Развитие рыночных отношений неизбежно ведёт к расширению внешних контактов, связей, деловых отношений. Доступ к высшему образованию даёт возможность сделать карьеру за пределами общины. Формируется заметная прослойка горожан. Они осваивают новые профессии и сферы занятости в здравоохранении, образовании, сфере услуг, государственной службе. Растёт их территориальная и социальная подвижность. В Хулун-Буири, Маньчжурии и Хух-Хото открыты десятки бурятских кафе, закусочных, пекарен и ателье, семейных гостиниц.

Сдвиги в демографическом поведении являются важнейшим показателем перехода к городскому образу жизни. Высокой платой за образование и медицину объясняется нежелание семей заводить второго и третьего ребёнка. Под влиянием этих факторов постепенно размывается общинность, формируется качественно иной уровень интеграции в китайское общество. В то же время это говорит о том, что для шэнхэнских бурят началась полоса жёсткой конкуренции за образование, рабочие места и ресурсы.

Школьное образование: его роль и значение

Система школьного образования является мощным механизмом модернизации и интеграции шэнхэнцев в китайское общество. Две начальных и средняя школа (несколько сот учащихся, более сотни учителей) работают по единым государственным стандартам и планам в трёх шэнхэнских сомонах. Эта система формировалась постепенно, и динамика процесса представляет самостоятельный интерес.

В 1946–1947 гг. по инициативе шэнхэнцев и на их средства были построены учебный корпус и столовая новой школы. В школе было 6 классов, 70 с лишним учеников. Сейчас действует 9-летняя школа, она имеет четырёхэтажный учебный корпус, четырёхэтажное общежитие для учеников, столовую. Среди школ АРВМ с преподаванием на монгольском языке в 2008 г. она занимала третье, в 2009 г. – второе, в 2010 г. – первое место по уровню преподавания [Согтын Жамсо, 2011]. В начале 2000-х гг. обязательное девятилетнее образование получали 60% детей школьного возраста. Качество образования позволяет поступать в вузы без квот. Многие поступают на платное обучение.

Студенты обучаются в вузах АРВМ, Пекина, Шанхая, городов России и Монголии по специальностям медицина, образование, культура, IT-технологии, сельское хозяйство, экология. Университеты и институты АРВМ бесплатно или с большими скидками готовят национальные кадры. Государство выделяет деньги на строительство и ремонт центров профессионального обучения, профтехучилищ и колледжей, где 90% учащихся-неханьцев получают государственные стипендии [Белая книга, 2009].

Языковая ситуация

В автономных районах КНР преподавание в школах осуществляется как полностью на китайском, так и на языке меньшинств. В высших учебных заведениях – исключительно на китайском. В качестве компенсации у представителей этнических меньшинств при поступлении в университет снижен проходной балл. С первого класса (1–5 классы – 4 часа, 6–11 классы – 5 часов в неделю) изучается китайский язык. Преподавание ведётся полностью на китайском языке с 2019 г. Монгольский язык, краеведение, основы культуры –

на монгольском. Всё больше детей с самого начала обучения родители отдают в китайские классы. Изучение двух иностранных языков – английского и ещё одного по выбору – предусмотрено со второго класса.

Все шэнхэнцы говорят на бурятском языке и владеют старомонгольской письменностью. Бурятский язык широко используется в публичной сфере и в семьях, но в школе не изучается. Дополнительную ценность ему придаёт развитие связей с Бурятией. Бурятские дети в Хайларе говорят по-бурятски, но обучаются на китайском. Бурятско-китайское двуязычие быстро распространяется, в языке бурятской молодёжи много китаизмов. Зачастую при разговоре молодёжь и люди среднего возраста автоматически переходят на китайский язык, смешивая бурятские и китайские слова.

Китайским владеет большинство, а в городах – практически все. Это основной язык образования, медиа, городской жизни вообще, его престиж высок. Китайский язык и китайская культура – это путь к экономическому успеху, современному образованию, городским профессиям, карьере. Он реально становится «предметом первой необходимости».

Стиль жизни, быт, потребление

Городская культура, современная потребительская модель, образ и стиль жизни открывают новые возможности и соблазны. Привычными деталями быта шэнхэнских бурят сегодня стали кирпичные дома, телевизионные «тарелки», автомобили, мотоциклы. Пищу готовят на газе, газ покупают в баллонах. Многие перешли на электрическое отопление и тёплые полы. Почти все имеют благоустроенное жильё в районном или сомонном центре, где проживают семьи и учатся дети.

Элементы городского уклада жизни, новая потребительская культура, сформированная телевидением и цифровой сферой информационная среда, массовая грамотность – всё это воздействует на массовую культуру, создаёт новую и динамично развивающуюся структуру её традиционных и современных элементов. Стремительно растёт количество интернет-пользователей. У них нет доступа к зарубежным сервисам, но есть отечественные платформы и приложения для работы и жизни. Самыми популярными сайтами являются WeChat, Weibo, Douyin, Baidu, Qq.com. Начальные и средние школы подключены к интернету.

Зарубежная музыка, кино, мода, новости очень популярны у молодёжи. Создана собственная развлекательная индустрия – китайская, а в АРВМ – ещё и на монгольском языке. Адаптируются зарубежные культурные тенденции, издаются газеты и журналы, развивается телевизионная индустрия с многочисленными развлекательными передачами. Всё это направлено в первую очередь на молодёжь, в среде которой популярны корейский *k-pop*, японский *j-pop*, а с 2018 г. – китайский *c-pop*.

Большое значение придается атрибутам монгольской культуры. Возводятся памятники, здания с элементами традиционного стиля. Надписи на вывесках административных и государственных учреждений, коммерческих структур дублируются на китайском и старомонгольском. На телевидении популярны музыкальные передачи, телеигры, конкурсы, сериалы (китайские, монгольские и российские). Много передач о традиционной культуре, искусстве. Национальная одежда практикуется в повседневности, а не только по специальным случаям.

Представления о стиле поведения, образе жизни, карьере, отношениях между людьми формируются массовой культурой. Пища, одежда, жилище, бытовая техника, предметы обихода, образование оцениваются через её стандарты. Чтобы массовая культура становилась средством стимуляции потребления, активно используется реклама.

Фактор Бурятии

Диапоральный характер формирования шэнэхэнской общины долгое время был механизмом её консервации. Ситуация радикально поменялась в постсоветский период. Открылась граница, «историческая родина» внезапно стала близкой и открытой для восстановления связей. О полной репатриации речь не идет – шэнэхэнцы пустили глубокие корни на новой родине, а постоянная нестабильность в России делает такую перспективу зыбкой. Но несколько сотен человек переселились в поиске дополнительных возможностей, ресурсов, а также по мотивам сентиментального характера.

Для многих (и переселившихся, и оставшихся в Китае) трансграничность, сети связей и отношений поверх границы, знание китайского и бурятского языков стали вполне рыночным, товарным ресурсом для торговли и посредничества [Балдано, 2015; Szmyt, 2023]. Процесс «национального возрождения», «конструирования традиции» (по Э. Хобсбауму) [Хобсбаум, 2000, с. 47–62] создали в Бурятии довольно широкий рынок для производства и сбыта «аутентичного этнического продукта» – от трансляции сохранившихся в Шэнэхэне обычаев до популярных *буузных* (предприятий этнического общепита) и ателье по пошиву национальной одежды. Открылись широкие возможности для получения высшего образования. Но почти не оправдались надежды на трансляцию полукочевого скотоводства.

Поэтому значительная, а возможно, и большая, часть репатриантов живёт в городах и адаптировалась к городскому укладу жизни и городской культуре. Это создало возможность выбора между жизнью в общине и в атомизированном обществе Бурятии, где радикально возрастает роль индивидуальных усилий и индивидуальных стратегий. Важный симптом этого процесса – смешанные браки.

Но это не ведёт к эрозии общинности. Трансграничность как рыночный ресурс требует поддержания прочных связей и опоры на материнское сообщество. Задача производства и продажи «этнического продукта» требует того же. «Возвращение на историческую родину» обернулось новым этапом диаспорализации в силу социокультурных отличий бурят Шэнэхэна и Бурятии [Балдано, Дятлов, 2008; Бороноева, 2011, с. 189]. Шэнэхэнцы в Бурятии выступают в качестве территориально-родовой группы – в отношениях с другими группами. Модернизация, городской уклад жизни и городские профессии и сферы занятости не ведут к разложению общинности, но приучают к более свободным, индивидуалистичным жизненным стратегиям. И это, несомненно, является важным фактором модернизации материнской общины.

Динамика контактов и конфликтов с соседями

Выход из самоизоляции, активное и успешное участие в процессах рыночной модернизации в Китае ведут к усложнению взаимоотношений с соседями, окружающим обществом вообще. С одной стороны, происходят процессы сближения монголо- и тунгусоязычных групп, особенно в рамках общего Эвенкийского хошуна. По словам З. Шмыта, *«вместо того, чтобы просто поддаться китайской ассимиляции, буряты в Китае интегрировались прежде всего с соседними скотоводческими группами»* [Шмыт, 2013, с. 161].

С другой стороны, развитие товарного скотоводства резко обострило конкуренцию за пастбища. Это усиливается наплывом мигрантов из других районов Внутренней Монголии и ханьцев. Под пастбищами открыли крупное месторождение каменного угля, залегающего на небольшой глубине. Это выводит и без того острую конкурентную проблему в новую плоскость, даёт чрезвычайно влиятельных конкурентов из числа ханьцев.

Об этом свидетельствуют массовые беспорядки августа 2017 г., нашедшие широкое отражение в интернет-пространстве Бурятии [*Китайцы*, 2017]. По общей версии, до ста человек с палками напали и жестоко избили шэнэхэнских бурят на их пастбищах. Далее версии расходятся. По одной из них, нападавшими были ханьцы, пытавшиеся захватить пастбища для последующих разработок угля. По более распространенной, нападавшими были соседние солоны, претендовавшие на пастбища. Так или иначе, это свидетельство того, что модернизационный процесс вводит шэнэхэнскую общину в поле жёсткой конкуренции за ресурсы с другими группами региона. И это может послужить консолидирующим её фактором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, относительно немногочисленная группа беженцев за вековую историю прошла путь от изолированной самодостаточной общины, ведущей натуральную экономику полукочевого скотоводства, к динамично модернизирующейся, зажиточной, экономически успешной группе. Активное и успешное освоение возможностей рыночной экономики, городских профессий и сфер занятости, довольно высокий уровень образованности, миграция нескольких сотен человек в Бурятию и использование ситуации трансграничности как рыночного экономического ресурса – всё это радикально увеличило поле контактов и конфликтов с соседями, но не привело к ассимиляции и ослаблению чувства этнической солидарности. Более того, механизмы внутриобщинной солидарности являются ресурсом для успешной рыночной трансформации.

Однако остаются вопросы о будущем. Официальная политика по сохранению и развитию культур национальных меньшинств в рамках национально-территориальных автономий не препятствует интенсивной миграции ханьцев. Индустриализация угрожает пастбищам. Модернизация неизбежно ведёт к урбанизации, переходу на городской уклад жизни – индивидуализированный и китаизированный. В направлении китаизации работают система образования и массовая культура. Переход сельской скотоводческой экономики на рыночные рельсы может запустить механизмы индивидуализации и имущественного расслоения. В этом же направлении может действовать опыт городской жизни репатриантов в Бурятии.

В результате группа, которая выжила и укрепила общинную солидарность в эпоху тяжелейших катаклизмов, имеет перспективу подвергнуться социальной и культурной эрозии в период роста материального благосостояния и появления новых профессиональных, социальных и культурных лифтов. Открытыми перспективы дальнейшего сохранения шэнэхэнцев как общины делает и общий контекст – выбор стратегии социально-экономического и политического развития КНР.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

КНР – Китайская Народная республика [PRC – People's Republic of China].

АРВМ – Автономный район Внутренняя Монголия [IMAR – The Inner Mongolia Autonomous Region].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абида Ц., Болод З., Димчиг Б., Лхамсурэн С. Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна. *Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. С. 23–38 [Abida Ts., Bolod Z., Dimchig B., Lkhamsuren S. Contemporary Historical Review of Shenekhen Buryats. *Local Features of the Buryat Ethnic*

Community of Inner Mongolia, People's Republic of China. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2005. Pp. 23–28 (in Russian)].

Актамов И.Г., Бадараев Д.Д., Ван И.Д. Система жизнеобеспечения Внутренней Монголии КНР: теоретическая модель и практическая реализация. *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. № 2. Т. 9. С. 147–162 [Aktamov I.G., Badaraev D.D., Wan I.D. Life Support System of Inner Mongolia of the PRC: Theoretical Model and Practical Implementation. *Sociological Science and Social Practice*. 2021. No. 2. Vol. 9. Pp. 147–162 (in Russian)].

Бадараев Д.Д. Номадизм в АРВМ КНР в условиях промышленного прессинга пастбищных территорий. *Власть*. 2016. № 5. С. 139–145 [Badaraev D.D. Nomadism in Inner Mongolia Autonomous Region of People's Republic of China in Conditions of Industrial Pressure on Pasturable Territories. *Vlast' (= Power)*. 2016. No. 5. Pp. 139–145 (in Russian)].

Балдано М., Дятлов В. Шэнэханские буряты: из диаспоры в диаспору? *Диаспоры*. 2008. № 1. С. 164–192 [Baldano M., Dyatlov V. Shenekhen Buryats: from Diaspora to Diaspora? *Diaspora*. 2008. No. 1. Pp. 164–192 (in Russian)].

Балдано М.Н. Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы – риски и возможности. *Трансграничные вызовы национальному государству*. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 282–304 [Baldano M. The Process of Nation-Building in Modern Buryatia: Cross-Border Challenges – Risks and Opportunities. *Transboundary Challenges to the Nation-State*. Saint Petersburg: Intersotsis, 2015. Pp. 282–304 (in Russian)].

Белая книга «Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей» [White Paper «China's National Policy and the Common Prosperity and Development of All Nationalities»] (in Russian) http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_6.htm (accessed: 15.11.2023).

Бороноева Д.Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор. *Известия Томского политехнического университета*. 2011. Т. 319. № 6. С. 186–190 [Boronoeva D.Ts. The Concept of «Motherland» in the Ideology and Practice of Buryat Diasporas. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. Vol. 319. No. 6. Pp. 186–190 (in Russian)].

Бороноева Д.Ц. *Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. [Boronoeva D.Ts. *Sketches on History and Culture of the Buryats of Inner Mongolia, PRC*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2000 (in Russian)].

Брубейкер Р. *Этничность без групп*. Пер. с англ. И. Борисовой; науч. ред. Я. Охонько. М.: Издат. Дом ВШЭ, 2012 [Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. I. Borisova (tr.), Ya. Okhonko (ed.) Moscow: HSE Publishing House, 2012].

Графов Д. Цифровые технологии властного контроля: система социального доверия в КНР. *Технологии, меняющие мир: применение и эффекты в мире и на Востоке*. Сост., науч. и лит. ред. С.А. Панарин. СПб.: Нестор-История. 2021. С. 160–190 [Grafov D. Digital Technologies of Power Control: Social Trust System in the PRC. *Technologies Changing the World: Applications and Effects in the World and in the East*. S.A. Panarin (comp., ed.). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 160–190 (in Russian)].

Дятлов В.И., Балдано М.Н. «Ветер минувших времён»: шэнэханские буряты в общественно-политических дискуссиях современной Бурятии. *Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 308–333 [Dyatlov V.I., Baldano M.N. «The Wind of Bygone Times»: Shenekhen Buryats in the Socio-Political Discussions of Modern Buryatia. *Migrations and Diasporas in the Mongolian World: Strategies and Practices of Transcultural Interaction*. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. Pp. 308–333 (in Russian)].

Китайцы организовано напали на бурятские пастбища в Шэнэхане. *ARD*. 06.08.2017 [Chinese organized attack on Buryat pastures in Shenekhen. *ARD*. 06.08.2017 (in Russian)]. <http://asiarussia.ru/news/17215/> (accessed: 13.11.2023)].

Мажинский С.В. Особенности проведения аграрных преобразований Коммунистической партии Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 6(26). С. 100–102 [Mazhinsky S.V. Particular Qualities of Agrarian Changes Implementations by Communist Party of China in Inner Mongolia since 1947 until 1949. *Tomsk State University Journal of History*. 2013. No. 6(26). Pp. 100–102 (in Russian)].

Михалёв М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнхэнских бурят в контексте российско-китайской границы. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2017. Т. 13. № 4. С. 108–120 [Mikhalev M.S. The Art of Not Being Assimilated. Strategies of Shenehen Buryats in the Context of Russia-China Border. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 108–120 (in Russian)].

Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна «Мировые диаспоры». *Диаспоры*. 2004. № 4. С. 138–162 [Safran W. A Comparative Analysis of Diasporas. Reflections on Robin Cohen's Book "World Diasporas". *Diasporas*. 2004. No. 4. С. 138–162 (in Russian)].

Согтын Ж. *Шэнхэн буриад монголчууд*. Хулунбуир: Убэр Монголун Соёлун Хэблэлун Хурie, 2011 (Шэнхэнские бурят-монголы) [Sogtyn Zh. *Shenekhen Buriad Mongolchuud*. Hulunbuir: Uber Mongolun Soyolun Kheblelun Khurie, 2011 (in Old Mongolian)].

Соловьёв А.В., Тарасов А.П. Гармаев У. *Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи*. Гл. ред. Р.Ф. Гениятулин. Новосибирск: Наука, 2012. С. 151–152 [Solovyev A.V., Tarasov A.P., Garmayev U. *Small Encyclopedia of Transbaikalia. International Relations*. R.F. Geniatulin (ed.) Novosibirsk: Nauka, 2012. Pp. 151–152 (in Russian)].

Хобсбаум Э. Изобретение традиции. *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62 [Hobsbawm E. The Invention of Tradition. *Acta Eurasica*. 2000. No. 1. Pp. 47–62 (in Russian)].

Шайн Й., Барт А. Диаспоры и теория международных отношений. *Современная наука о международных отношениях за рубежом*. Хрестоматия в 3-х т. Т. 2. Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: НППСМД, 2015. С. 961–995 [Schein J., Barth A. Diasporas and International Relations Theory. *Contemporary International Relations Studies Abroad*: in 3 vols. Vol. 2. I.S. Ivanov (ed.) Moscow: NPRSMD, 2015. Pp. 961–995 (in Russian)].

Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. *Диаспоры*. 2003. № 1. С. 162–184 [Schaeffer G. Diasporas in World Politics. *Diasporas*. 2003. No. 1. Pp. 162–184 (in Russian)].

Шмыт З. «Модерн номадз». *Антропологические очерки современных бурятских миграций в России*. Иркутск: Оттиск, 2013 [Szmyt Z. "Modern Nomads". *Anthropological Sketches of Modern Buryat Migrations in Russia*. Irkutsk: Ottisk, 2013 (in Russian)].

Brubaker R. The "Diaspora" Diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. No. 1. Pp. 1–19.

Uradyн E. Bulag. From Inequality to Difference: Colonial Contradictions of Class and Ethnicity in "Socialist" China. *Cultural Studies*. No. 14(3/4). 2000. P. 541.

Szmyt Z. Granica jako zasób, granica jako wehikuł czasu. Społeczne reprezentacje diaspor na pograniczu rosyjsko-chińskim. *Migration Studies – Review of Polish Diaspora*. 2023. No. 2(188). Str. 139–158.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, Иркутск, Российская Федерация.

Victor I. DYATLOV, DSc (History), Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation.

БАЛДАНО Марина Намжиловна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и социологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Российская Федерация.

Marina N. BALDANO, DSc (History), Professor, Chief Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation.